

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРЧИЛА ЧХАРТИШВИЛИ.

Есть ли что-либо более захватывающее, чарующее и увлекающее, чем театр? Кто однажды испытал сладость рукоплесканий, вдохнул одурманивающую атмосферу кулис, тому трудно оторваться от сцены. Больше, чем к кому-либо, это относится к актеру. Он творит на виду у зрителя, непосредственно воспринимающего творческую силу и обаяние его таланта. Печаль актера на сцене заставляет зрителя страдать вместе с ним. На радость и смех его зритель отзывается доброй улыбкой.

Еще большей любовью к театру должен быть одержим человек, участвующий лишь в массовых сценах, порой не произносящий за весь вечер ни одного звука.

Но именно в массовках спектакля «Бердо Зманна» появились впервые и привлек к себе внимание ученик Тбилисской первой гимназии Арчил Чхартишвили. Юноша так полюбил сцену, настолько сроднился с ней, что, окончив среднюю школу, сразу же пришел в труппу театра.

Котэ Марджанишвили заметил юношу и назначил его помощником режиссера. Помощника режиссера не знает публика — на сцене он появляется лишь тогда, когда занавес опущен. Его обязанности — подготовить сцену, вызвать действующих лиц, указать каждому его место, организованно начать спектакль. Между тем из этих маленьких деталей и состоит

тот огромный механизм, та сложнейшая машина, которая называется театром.

Арчил Чхартишвили не получил специального театрального образования, но разве работа с большим режиссером Котэ Марджанишвили не восполнила этот пробел, разве каждая репетиция Марджанишвили не была для юноши его университетом? И если сегодня А. Чхартишвили заслуженно стоит в ряду наших известных режиссеров, то этим, помимо собственного таланта, он обязан своему учителю Котэ Марджанишвили.

Раньше, бывало, приходя в театр, мы не всегда интересовались, кто был постановщиком спектакля. Когда смотрели «Царя Эдипа», нас интересовало, будет ли равен Эдип Александру Имедашвили Эдипу Сандро Моиси, заставит тот или иной актер забыть Уриэля, созданного чародеем сцены Ладом Мехишвили. Нас, нынешних стариков, совершенно не интересовало, прочтет ли Гамлет свой монолог «Быть или не быть?» сидя в кресле или стоя. Тогда на сцене господствовали отдельные актеры — исполнители главных ролей. Большой реформатор театра Константин Сергеевич Станиславский отвел режиссеру подобающее ему место, и сегодня режиссер признается одним из авторов спектакля.

Я имел счастье видеть «Ца-

ря Эдипа» многократно. Я восхищался Эдипом С. Моиси, П. Муромцева, А. Имедашвили и, должен признаться, не многого ожидал от гастрольного спектакля. «Царь Эдип» Батумского театра в постановке Арчила Чхартишвили. Что же, думал я, может сравниться с такими выдающимися актерами?

Но любопытство одолело, и я пошел.

Начался спектакль, и я, видевший многое, оказался в его плену. Эту трагедию даже известные режиссеры ставили по плану Макса Рейнгардта, ограничиваясь лишь незначительными коррективами. По замыслу Рейнгардта, судьба человека predetermined. Если это так, то уже не нужна борьба, человек должен покориться року. Хор Макса Рейнгардта, массовой декламацией и монотонным пением высказывающий свою мысль, казалось, состоит из геометрических фигур. В хоре Арчила Чхартишвили выступали живые люди. Каждый персонаж имел свое индивидуальное лицо. Мизансцена — план режиссера, его язык, его речь. Каждая мизансцена «Царя Эдипа», поставленного А. Чхартишвили, была красива, оправдана и выразительна, что особенно сильно сказалось в финале. Победенный Эдип покидает общину морально победившим. Сочувствие народа на его сто-

роне. Этим утверждалось величие человека, его несгибаемость перед богом и роком.

Спектакль «Царь Эдип» А. Чхартишвили я видел восемь лет назад, но и сегодня перед глазами стоит этот впечатляющий финал.

На протяжении своей долголетней деятельности Арчил Чхартишвили поставил много спектаклей. Перечисление их в газетной статье далеко бы нас увело, но одно нужно подчеркнуть — наряду с классическими он прекрасно ставил пьесы, отражающие нашу великую эпоху, умел найти то, что созвучно времени, нужно нашему народу, нашей действительности. Это говорит о большом и тонком вкусе режиссера, о его профессиональной зрелости. Лично я видел много постановок лауреата Государственной премии, народного артиста республики Арчила Чхартишвили и всегда оставался глубоко удовлетворенным.

Котэ Марджанишвили как-то сказал, что у Ахметели есть

режиссерский глаз и слух. Мы смело можем сказать, что у Арчила Чхартишвили — врожденный режиссерский глаз, слух и все те данные, которые так необходимы истинному деятелю искусства. Там, где творит Арчил Чхартишвили, — подлинный театр, подлинное искусство.

Ал. БУРТИКАШВИЛИ.